

Родич

Когда слон проходит по скалистому утесу,
Мы не видим его следов.
Когда буйвол проходит по скалистому утесу,
Мы не видим его следов.

Т. М. Алуко. *Родич и начальник*

Каро злилась. Когда один из ее подмастерьев прочитал ей вслух уведомление о собрании, она швырнула бумажонку через всю комнату в мусорку. Какая-то жена политика хотела произнести речь для ассоциации портных, а президент ассоциации пригласил ее на следующую же встречу. И, конечно же, решил, будто стоит упомянуть, что жена политика и сама дочь портного. Каро почти не сомневалась, что это ложь. Эти люди хоть твоей семьей назовутся, если это поможет им дорваться до власти. Ее раздражало, что придется тратить время и слушать, как гостя расхваливает своего мужа. Не за это она платит взносы ассоциации.

Каро подошла к корзине в углу своей швейной мастерской. Достала уведомление, порвала на клочки и отправилась во двор, чтобы пустить их по ветру. Она еще выскажет на следующем собрании ассоциации, что о них думает. Хотя все равно никто

не послушает и не почешется. Все и так знали, что президент берет у политиков взятки за разрешения выступать на встречах. Ближе к выборам и членам ассоциации перепадет доля внезапной щедрости нескольких кандидатов. Их жены или сестры начнут ходить на собрания с мисками риса, бочонками масла, метрами и метрами анкары* с тисненными портретами и логотипами кандидатов. Сами мужчины — а в основном это мужчины — никогда не приходят лично, чтобы ответить, что планируют делать на будущей должности.

Кое-кто из портных обвинял Каро в заносчивости, потому что она всегда отказывалась брать рис с маслом или шить платья из никчемной анкары. Но она не чувствовала себя лучше других — большинству в ассоциации, если не всем, надо кормить детей. К тому же они знали, что это верный способ избавиться от политиков еще на четыре года. Так почему бы не угоститься рисом и маслом, раз это единственный так называемый дивиденд демократии**? Каро понимала их логику, но легче от этого не становилось. Сколько раз представители тех политиков обещали, что если их кандидата изберут,

* Анкара — традиционная западноафриканская ткань из хлопка с красочными рисунками в технике батик, завезенная в Африку голландцами во время колонизации. *Здесь и далее прим. пер.*

** Из речи Джона Махамы, бывшего президента Ганы (2012–2017): «Мы в Африке наслаждаемся тем, что я называю дивидендами демократии. Прогресс, что мы видим, экономическое развитие, в котором мы участвуем, — это все дивиденды правильного управления, уважения прав человека, верховенства закона».

то электричество починят? И разве вся ассоциация не зависит до сих пор от генераторов? Разве две недели назад одна из портных не скончалась во сне, надышавшись выхлопными газами генератора? Уже третья за последние три года. Каро даже не смогла расплакаться, когда о ней узнала. Зато, хоть она даже почти не помнила лица покойной, в голове еще несколько дней стучало от злости.

Выборы ожидались где-то через год. В следующие месяцы начнут появляться плакаты, каждый забор и стену покроют лица мужчин, чьи улыбки уже доказывали, что им нельзя доверять. В последний раз ее стену от края до края заклеили плакатами какого-то сенатора, потому что ее двор выходит на улицу. Надо не забыть попросить кого-нибудь написать краской на стене: «Плакаты не клеить». Попросит кого-нибудь из подмастерьев. Может, Эниолу.

ЧАСТЬ I

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО

Подавленный гнев налетает как ветер, внезапный и незримый. Люди не боятся ветра, пока тот не повалит дерево. А тогда уже говорят, что он слишком сильный.

СЕФИ АТТА. *Все будет хорошо**

* «Все будет хорошо» (*Everything Good Will Come*, 2005) — роман Сефи Атты (род. 1964), нигерийско-американской романистки, проживающей в Калифорнии.

Эниола решил притвориться, что это просто вода. Тающая градинка. Туман или роса. А то и что-то хорошее — единственная капля с неба, одинокая предвестница ливня. А первые дожди года значат, что наконец-то можно полакомиться агбалумо. Продавщица фруктов с лотком у школы вчера уже выставляла корзину агбалумо, но Эниола ничего не купил и убедил сам себя, будто это из-за постоянных предупреждений мамы: если съесть агбалумо до первого дождя, заболит живот. Но раз вот эта жидкость — дождь, тогда уже через пару дней он слижет с пальцев сладкий и липкий сок, сжует волокнистую мякоть до жвачки, раскусит скорлупу и подарит сестре семена, чьи половинки она носит как сережки-наклейки. Он пытался притвориться, будто это просто дождь, вот только на воду это было не похоже.

Даже не поднимая глаз, он чувствовал, что десяток мужчин, столпившихся у газетного лотка, уставились на него. Все молчали, как камни. Как непослушные детишки, которых превращал в камни злой волшебник в одной из сказок отца.

В детстве, когда Эниола попадал в неприятности, он зажмуривался, думая, что если сам никого не видит, то никто не видит и его. Хоть теперь он знал, что закрыть глаза и надеяться, будто он исчезнет,

так же глупо, как верить, что люди могут превратиться в камни, он все равно крепко зажмурился. И, конечно же, никуда не исчез. Не повезло. Шаткий лоток газетчика так и стоял перед ним, так близко, что края газет щекотали ногу. Сам продавец, которого Эниола называл Эгбон Эбби, стоял рядом, и рука, которую он положил Эниоле на плечо перед тем, как прочистить горло и смачно плюнуть ему в лицо, так никуда и не делась.

Эниола медленно повел пальцем по носу, приближаясь к сырой тяжести слюны. Онемев от такой неожиданности, нарушившей их распорядок дня, все мужчины — даже сам Эгбон Эбби — будто затаили дыхание и чего-то ждали. Никто не подкалывал фанатов «Челси» из-за того, как вчера вечером их команду разнес «Тоттенхэм». Никто не спорил об открытом письме журналиста-политика о других политиках, которые омываются человеческой кровью для защиты от злых духов. Все затихли, когда слюна газетчика попала на лицо мальчика. И теперь мужчины, собиравшиеся здесь каждое утро поспорить о заголовках, ждали, что сделает Эниола. Им хотелось, чтобы он ударил газетчика, орал оскорбления, расплакался или — еще лучше — прочистил горло, набрал харчу и сам плюнул в лицо Эгбону Эбби. Палец дошел до лба — но он опоздал. Слюна уже стекла по крылу носа, оставляла сырой и липкий след на щеке. Теперь так просто не смахнешь.

Что-то прижалось к его щеке. Он отшатнулся, ткнувшись в газетный лоток. Кое-кто рядом забормotal извинения, когда он ухватился за край, чтобы не упасть. Это просто один из мужчин утирал его своим голубым платком.

— *Hin sé**, сэр, — сказал Эниола, взяв платок; он и правда был благодарен, хоть ткань уже была покрыта белыми линиями, раскрошившимися, когда он прижал платок к щеке.

Эниола окинул взглядом небольшую толпу, расправил плечи, увидев, что никого из школы нет. У лотка собрались только взрослые. Кое-кто, уже одевшись на работу, тянул за тугие узлы галстуков и поправлял плохо сидящие пиджаки. Многие стояли в выцветших свитерах или застегнутых до горла бомберах. Большинство из молодежи — к чьим именам он был обязан прибавлять «брат», иначе получит, — недавно выпустились из технических училищ или университетов. Они все утро слонялись у лотка Эгбона Эбби, читали и спорили, выписывали вакансии из газет в блокноты или на клочки бумаги. Время от времени помогали продавцу с мелочью на сдачу, но газету не покупал никто.

Эниола хотел вернуть платок, но мужчина отмахнулся и снова уткнулся в свою «Аларойе». Хотя бы никто не расскажет одноклассникам, как продавец добрую минуту сверлил его взглядом, а потом плюнул в лицо. Да так внезапно, что Эниола отдернулся, только уже почувствовав, как по носу расползается

* Спасибо (*йоруба*); *hin* — обращение как к мужчине, так и к женщине.

Поскольку в Нигерии существует несколько сотен языков, при записи нигерийцы пользуются паннигерийским алфавитом из 33 букв на основе латиницы, разработанным в 1981–1985 годах. Среди прочего целью создателей было избавиться от диграфов (запись одного звука двумя буквами) с помощью диакритических знаков, применяемых в буквах для обозначения различных тонов.

сырость, так внезапно, что затихли все мужчины, чьи голоса обычно слышались во всех окрестных домах. Хотя бы этого момента не видели Пол и Хаким, его одноклассники с этой улицы. Посмотрев старое видео Клинта да Дранка из «Вечера тысячи хохотов», Пол решил, что хочет быть как Клинт. С тех пор, если учитель не приходил на урок, Пол шатался по классу, натываясь на парты и стулья и заплетающимся языком поливал одноклассников оскорблениями.

Эниола коснулся щеки, чтобы втереть влагу в кожу и не оставлять следов. Если будет хотя бы намек на плевок, когда он пойдет мимо дома Пола по дороге домой, то очередное представление перед всем классом будет только о нем. Пол наговорит, что Эниола пускал слюну во сне, не помылся перед тем, как одеться в школьную форму, родом из семьи, которой не хватает даже на мыло. И будет смех. Он тоже смеялся, когда Пол издевался над другими. Шутки у него были так себе, но, надеясь, что Пол не станет отвлекаться от жертвы, которой не повезло в этот день, Эниола смеялся над любыми его словами. Если Пол отвлекался, то обычно на девочку, которая не смеялась над его шутками. Обычно. Все-таки был и тот жуткий день, когда Пол перестал говорить о рваной туфле одноклассницы и заявил, что лоб Эниолы похож на толстый конец манго. Эниола все еще смеялся над девочкой с рванными туфлями и, обнаружив, что класс уже разразился новым хохотом, который будет слышаться ему во сне месяцами, не мог закрыть рот. Он и хотел бы не смеяться, но не мог. Даже когда горло уже болело от слез и когда класс притих, потому что пришла с опозданием на несколько минут учительница химии. Смеялся,

пока она не велела ему встать в угол на колени, лицом к стенке.

Без зеркала и не поймешь... нет. Нет. Он не станет кого-нибудь спрашивать, осталось ли что-то на лице. Не станет. Убрав руку от щеки, Эниола прищурился в сторону трехэтажного здания, где на втором этаже жила семья Пола. Они делили четыре комнаты с двумя другими семьями и старушкой без родственников. Сейчас перед домом стояла пожилая женщина и рассыпала зерно на песке, у ее ног квохтали куры. Пола не было. Может, уже ушел в школу. Но, с другой стороны, он может быть и в подъезде или коридоре, готовый выйти, когда Эниола будет проходить мимо дома.

Эниола прижал руку ко лбу там, где он нависал над переносицей, словно чтобы вдавить его обратно в череп. Может, лучше просто пробежать мимо дома. А виноват во всем отец. Во всем. И в том, что скажет Пол, и в том, как мужчины смотрели на его уже сжавшиеся кулаки, словно ждали, что он ударит газетчика, и в гневе газетчика. Особенно в гневе. Это отец продолжал ему тысячи найр, это отец месяцами брал «Дейли» по четвергам в кредит, чтобы просмотреть все вакансии, это отец утром потребовал, чтобы кланчить у продавца газету пошел Эниола. И это по лицу отца должна сползать вонючая слюна.

Он почувствовал руку на плече и узнал ее раньше, чем повернулся к газетчику. Тот был так близко, что Эниола ощущал его дыхание. А может, все еще запах на своем лице. Может, платок и стер сырость, но запах никуда не делался. Эгбон Эбби прокашлялся, и Эниола подобрался. На что еще готов газетчик? Ударить, чтобы он принес домой нестираемый след,

синяк или сломанный нос, которые скажут его отцу о том, что тут произошло?

— Хочешь «Дейли», àbí*? Óyá**, бери. — Газетчик шлепнул Эниолу по руке свернутой газетой. — Но если опять увижу тебя или твоего отца... Ты ему скажи. Своему отцу, ты так ему и скажи: если еще кого-нибудь из вас увижу, знаешь, какие чудеса я сотворю с вашими рожами? Если на вас посмотрят, подумают, вы попали под грузовик. Я предупреждаю, не напрашивайся на такое несчастье.

Эниоле хотелось открыть продавцу рот и запихать ему газету в глотку. Хотелось швырнуть ее на землю и топтать, пока не останутся одни клочки; хотелось хотя бы отвернуться от Эгбона Эбби и не взять ее. Ему вечно приходилось терпеть такое от взрослых, даже от родителей. Он знал, что не дождется извинений за вспышку гнева; газетчик лучше выпьет из лужи, чем признает, что был неправ. Извинением служила газета. Эниола представил, как взрослый — мать или отец — вдруг берут и за что-то перед ним извиняются, и чуть не рассмеялся.

— Что встал как истукан? — спросил Эбби, ткнув Эниоле в грудь газетой.

Но однажды у отца снова будут деньги, и Эниолу пошлют за «Дейли». И в тот день он дойдет до самой больницы Уэсли-Гилд и купит газету там. А назад пройдет мимо этого лотка, размахивая газетой, чтобы этот мерзавец видел. Но чтобы это случилось, отцу нужно найти подходящую вакансию. И поэтому Эниола взял газету и что-то пробормотал, что можно

* Слово для подтверждения — например, «да?».

** Призыв к быстрому действию — «вот».

было спутать с благодарностью, — и сбежал. Прочь от продавца и его вонючего рта, мимо дома Пола, где старушка возилась с цыпленком, повязывая ему на перья красную ленточку. Все быстрее и быстрее, под холм, к дому.

* * *

Отец листал страницы «Дейли» самыми кончиками пальцев. Или даже одними ногтями — Эниола не видел от двери. И такие старания после того, как он уже дважды помыл руки и отказывался вытирать их чем угодно, даже кружевной блузкой, которую мать Эниолы нашла в особом сундуке с ее кружевами и ашо-оке*. Вместо этого он ходил по комнате во все стороны — от стены к кровати, от кровати к матрасу на полу, от матраса к буфету с кастрюлями, тарелками и чашками, — вытянув руки перед собой, чтобы испарилась влага. Даже постучал каждым пальцем себе по лбу, прежде чем взять «Дейли» у Эниолы. Когда они наберут десять номеров, их можно выменять на деньги или еду у женщин, торговавших земляными орехами, жареным ямсом и боли** на этой или соседней улице. Сам Эниола предпочитал еду — особенно у торговли боли, которая жарила плантаны именно так, как он любил: хрустящие снаружи и мягкие внутри. Но родители чаще меняли газеты на деньги, и чем чище газеты, тем больше за них давали.

* Ашо-оке — традиционная ткань народа йоруба.

** Боли — блюдо из жареного недозрелого плантана с острым соусом, можно подавать как гарнир.

Отец был еще молод для седины. Или так сказала мать, когда впервые сорвала волосок с головы Баами*, уверяя, что если рвать их с корнем, то новые вырастут чернее прежнего. И все же в прошлом году все волосы Баами до единого поседели меньше чем за месяц. Седина разбежалась от виска, захватывая каждый сантиметр, и уже через пару недель Эниоле приходилось смотреть на его старые фотографии, чтобы вспомнить, как отец выглядел раньше.

На мятой и выцветшей фотографии Баами стоит рядом с дверью, так обжигая глазами, будто говорит, что будет с фотографом, если тот только попробует неудачно сфотографировать. Волосы черные и у виска, и везде. Пробор слева обнажает полоску поблескивающей кожи. На черной табличке на двери, у самого края кадра, написано золотым курсивом: «Заместитель директора». Ниже на прямоугольном листке бумаги, который будто только что прилепили к двери и вот-вот сорвут, — имя Баами: мистер Бусуйи Они. Баами стоит прямо, отведя плечи так далеко назад, что Эниола гадал, не потому ли он не улыбается, что лопатки уже ноют. За годы с тех пор, как сделали фотографию, Баами перестал смотреть на камеры или людей прямо. Только мама Эниолы еще требовала, чтобы он смотрел ей в глаза, когда говорит. А когда он обращался к Эниоле или его сестре, тарачился на их ноги, и глаза его бегали, будто снова и снова пересчитывали их пальцы.

Баами сложил «Дейли» и прочистил горло.

— Дикие овощи, которые растут на заднем дворе, — может, продать их? Я помогу собрать...

* Баами — мой отец.

— Нет-нет-нет, кто же их купит, Баба* Эниола. Смотри в газету, пожалуйста. Ты проверил от начала до конца? — спросила мама.

— Что-нибудь нашел? — спросил Эниола.

Отец, не отвечая, раскрыл газету. Эниоле хотелось выйти во двор и умыться, но он чувствовал себя обязанным оставаться с родителями. К тому же на сегодня мытье закончено, мама уже спрятала мыло в один из своих бесчисленных тайников. Если попросить, она поинтересуется: зачем? И не уймется, пока он не объяснит, даже если передумает и скажет, что уже не надо. Она заставит признаться, что случилось, у нее это всегда получалось. А он знал, что стоит ему договориться, как она бросится к газетчику и будет плевать ему в лицо, пока во рту не пересохнет. Этого он не хотел. Да, он бы с удовольствием посмотрел, как газетчик будет спасаться от материнского гнева, но тогда больше людей узнает, как его унизили этим утробом. Просить мыло точно не хотелось. Может, лучше просто ополоснуть лицо, отскрести с губкой, как они обычно делали, когда мыло кончалось.

Он бы сразу пошел во двор, но в комнате не было Бусолы. Может, она метет двор, моет тарелки или отскабливает кастрюлю, в которой мама вчера вечером варила амалу**. Лучше дожидаться, когда она вернется, потому что ему не хотелось оставлять отца наедине с газетой. Он не оставлял отца одного, когда мог. В комнате, конечно, была мама, но она себя

* Баба — отец (с указанием имени ребенка); Ийя — мать.

** Амала — традиционная еда йоруба. Представляет собой высушенную густую пасту из батата (с разнообразными добавками). Едят, отщипывая и макая в супы.

вела как-то странно. Сидела на полу в ногах кровати и без конца складывала и расправляла блузку, которую предлагала Баами.

— Никто не покупает гбуре*, — сказала она. — Ими зарос весь двор, но их никто не покупает. Сейчас даже собаки и козы не трогают гбуре во дворах.

Эниола прислонился к стене; да хоть бы гбуре полезли на каждом сантиметре двора и по всей комнате, даже у него на макушке и у родителей на лбу, — какая разница? Сколько бы мать за них выручила? Не хватит на учебу для него или Бусолы. Он это знал, потому что на каникулах сам продавал гбуре. Хоть он тогда добрался с подносом до самой больницы, пройдя весь рынок рядом с дворцом и перед самым дворцом, а потом обратно, пока не остановился у Апостольской церкви Христа рядом с Брюэри, все равно принес домой половину того, с чем выходил.

Отец закашлялся. Сперва казалось, он просто прочищает горло, но уже скоро плечи содрогались в попытках отдышаться. Мать бросила блузку на кровать и налила стакан до края, оставляя след из капель по пути к Баами, положила ему руку на плечо. Он выпил стакан одним долгим глотком, но кашель не унимался, пока он не сел на кровати, сжимая колени.

— Ты — когда ты идешь в школу? — спросила мать, потирая спину мужа, пока кашель сходил на нет.

— Я... я хотел узнать, найдет ли Баами что-нибудь в газете.

— Бери рюкзак и иди, jàre**, — сказала мать.

* Гбуре — название растения водолуб на йоруба.

** Частица в конце предложения для поощрения к действию или неодобрения, можно понимать как «ну же».

Баами ткнул в сторону Эниолы пальцем.

— Не волнуйся, я уже подыскал кое-что интересное, очень интересное, Эниола. Сегодня же им напишу.

— Я могу отнести на почту, — сказал Эниола.

— Необязательно — мать отнесет, когда пойдет на рынок.

— Я думал, она не...

— Почему я еще вижу твою тень в доме? — Мама взмахнула рукой. — Скажи сестре бросать все дела и собираться в школу. Какой толк искать вам деньги на учебу, если вы будете опаздывать?

— Да, ма. — Эниола взял школьный рюкзак. — Пожалуйста, можно соль?

— Почему этот ребенок просит у меня соль, когда должен быть в школе? Собираешься варить суп с утра пораньше, Эниола?

— Я... я еще не чистил зубы.

Мать прищурилась, словно только сейчас заметила, что на месте, где должна быть голова, у него все это время был большой кокос. Он не двигался, старался не отрывать от нее глаз, зная, что стоит отвернуться, как она заподозрит его во лжи. Но при этом старался смотреть так, чтобы не встречаться с ней взглядами. Если смотреть прямо в глаза, она воспримет это как неуважение, доказательство, что он отрастил крылья и стал дикой птицей, бьющейся ей в лицо, и поставит на место метким подзатыльником. Он и не замечал, что затаил дыхание, пока она не кивнула на буфет, где лежали кастрюли, тарелки и маленький мешочек соли.

Эниола отмерил в левую ладонь ложку с горкой и сжал кулак.

Когда он вышел во двор, Бусола как раз домывала кастрюлю. Она отдала кувшин с оставшейся водой, чтобы не пришлось набирать из колодца в углу. Харматан* жалил руки от локтей до кончиков пальцев, словно миллион иголок, покрывал лодыжки тонким слоем песка и растрескивал верхнюю губу. Эниола плеснул водой в лицо и втирал соль в нос, пока не показалось, что кожа слезет. Он ополаскивался снова и снова, пока не опустел кувшин. Но по-прежнему чувствовал ту сырую тяжесть. По-прежнему чувствовал запах испорченных лука, яиц и чего-то еще, что он не узнавал, но о чем будет гадать все утро.

* Харматан — сухой и пыльный западноафриканский пассат из Сахары, активен с конца ноября по начало марта.

Герниорафия — рот раззявился, усы дрожат от храпа. Восемнадцать часов после операции. Без осложнений. Вураола записала свои рекомендации. Его должны выписать этим утром. Она чуть повернула блокнот под свет из прохода — лампочки над койками всегда выключали намного раньше полуночи.

Аппендэктомия — антисептик и снотворное. Его дочь, не находившая себе места после целого часа вопросов без ответа, почему он еще в ванной, взломала замок и обнаружила семидесятилетнего старика в полубессознательном состоянии в душе. Она тут же помчалась с ним в больницу, несмотря на его возражения — продолжавшиеся, даже когда его вкатили в операционную, — что боль не такая уж страшная, ему нужны только отдых и его горшок с травами. На вопрос при утреннем обходе, зачем он целыми днями терпел боль от перфоративного аппендицита и никому не говорил, он скрестил руки на груди и объявил хирургу: «Bóo ni hin ɛ a mọ́ wí akọ́ ni mètè? Akọ́ rà i ɔ̀jo»*. И профессор Бабаджиде Кокер, хирург общей практики и нынешний председатель IEMPU — Прогрессивного союза элиты иджеши**, кивнул так, будто понял его слова.

* Откуда мне знать? У меня нет мудрости.

** Иджеша — этническая группа из племени йоруба.

Профессор Кокер и отец Вураолы были хорошими друзьями. Собрания *IEMPU* часто проходили дома у ее семьи, и подростком она не раз подавала подносы с перчеными улитками или приносила бутылки виски, чтобы пополнить стаканы. Профессор Кокер, родившийся в Лагосе ровно за пять лет до независимости*, сразу после начала собраний давал новым членам *IEMPU* знать, что он перешел из церкви Христа на Брод-стрит прямиком в Колледж Короля во времена, когда образование в этой стране еще было образованием. Частенько он вставлял и историю о том, как познакомился со своей женой в Колледже Королевы во время межвузовских дебатов, и завершал на том, что его учебу, разумеется, венчали годы в престижном университете. А где еще можно приобрести столь безупречное, фундаментальное понимание медицины? Где? Если присутствовали другие врачи, он пресекал на корню ответы об Ифе или Медилаге**. Тогда мужские голоса становились громче и перебивали друг друга, и уже скоро Вураола не могла разобрать, кто и что говорит. Ее отец, учившийся на юриста в Университете Лагоса, никогда не встревал во время гвалта, даже когда его просили замолвить слово о своей альма-матер врачи из Медилага или другие выпускники Университета Лагоса. Он молчал, дожидаясь, чтобы ему на ухо шепнула одна из горничных. Тогда он обычно постукивал вилкой по стакану, пока не становилось достаточно тихо, чтобы объявить — в основном для новеньких, — что скоро подают перечный суп, поэтому гостям пора сказать Вураоле и горничной,

* Нигерия стала независимой в 1960 году.

** Медилаг — Колледж медицины в Университете Лагоса.

которая работала в тот день, какой они хотят суп — с козлятиной или зубаткой. Когда Вураола поступила в медвуз в Ифе, и ее стали втягивать в споры его выпускники. И хоть отец по-прежнему говорил пару хвалебных слов об Университете Лагоса перед тем, как все ненадолго замолкали над дымящимися тарелками перечного супа, его словно ничуть не волновало, что она-то опровергала его слова и критиковала его альма-матер. Вураола видела: он гордится тем, что теперь и ее можно привлечь к этому многолетнему спору. Он прятал улыбку за маленькими глотками, от которых содержимое его стакана не уменьшалось.

С тех пор как отца Вураолы на посту президента *IEMPU* сменил профессор Кокер, ее семья устраивала приемы, только если у жены профессора случались приступы аллергии, из-за которых она проводила в постели по многу дней.

Профессор Бабаджиде и профессор Корделия Кокер переехали в этот город больше двадцати лет назад, когда он еще входил в прежний штат Ойо. Тогда основатели *IEMPU* добивались, чтобы, когда из старого штата наконец выкроют новый, столицу сделали именно здесь. Ходили слухи, что в тот же вечер, когда объявили о создании штата Осун с новой столицей, профессор Кокер нанял себе учителя языка иджеша, планируя избираться в губернаторы, как только закончится то, что по-прежнему считалось лишь недолгим промежутком военной власти*. И все же

* Осун отделился от штата Ойо и получил столицу в Осогбо в 1991 году. На тот момент в стране с 1985-го правил генерал Бабангида, планировавший в 1990-м уступить власть, провести честные выборы и начать так называемую Третью республику — это и подразумевается под «недолгой военной вла-
стью».

после стольких лет жизни здесь и после всех уроков он из всего иджеша знал не больше чем «hìnlé àwé»*, что и употреблял с уверенностью знатока, а затем, когда разговор заходил дальше первоначальных любезностей, неловко возвращался к йоруба или английскому. Все это не помешало ему кивать, будто он понимает старика, когда тот повторял: «Akọ í ọjọ àwé, akọ í ọjọ»**. Позже в тот день, инструктируя Вураолу для обхода его пациентов, профессор Кокер попросил ее объяснить, о чем говорил старик.

Вураола вздохнула, возвращая карту на место. Если пациент выкарабкается, может, он еще изменит свое мнение. То, что он про себя считал трусостью, и его бы избавило от неприятностей, и освободило бы койку в реанимации для кого-нибудь из тех, кому сегодня ночью придется отказать. У ее бедра завибрировал телефон, и она перешла к следующей койке.

Ректопексия — тут она задержалась. Пациент попытался перевернуться и скривился от того, как

стью». Бабангида намеревался покончить с чередой военных переворотов, свергнув предыдущего диктатора, но и сам правил до 1992-го. Затем, после очередного переворота, пришел генерал Абача, среди прочего превративший страну в наркогосударство.

Когда Абача умер в 1998 году, следующий генерал объявил амнистию политзаключенным, судил преступников во власти, провел выборы в 1998 году — в результате исторический период Нигерии с 1999 года по сей день называется Четвертой республикой (причем с 2015 по 2023 год к власти возвращался генерал Бухари).

* Букв. «взгляните на нас» — церемониальная фраза в духе благословения.

** Вы мудры, вы мудры.

катетер напомнил телу, что для него возможно, а что еще какое-то время — нет.

Она достала из кармана халата телефон и открыла. Кунле. Захлопнула и сунула в задний карман джинсов, где он завибрировал снова, пока она брала следующую карту.

Панкреатэктомия — в отключке с полудня, может проснуться с минуты на минуту и тогда проведет всю ночь без сна. Но хотя бы — спасибо небольшому утешению морфина — без боли. Это была первая панкреатэктомия Вураолы с тех пор, как она пошла в хирургическую интернатуру. В ночь перед операцией она заснула только незадолго до рассвета, примостив голову на страницах «Клинической панкреатологии для практикующих гастроэнтерологов и хирургов». А в итоге на операции ей не дали даже прикоснуться к подносу с инструментами. В больнице больше месяца не было электричества, но на это уже мало кто обращал внимания. Истинной проблемой был дефицит топлива, длившийся уже с неделю из-за забастовки то ли водителей бензовозов, то ли нефтяников, то ли кого-то еще. Вураола часто слишком уставала, чтобы читать газеты дальше заголовков, но смогла понять, что какой-то профсоюз объявил забастовку, в результате возник топливный кризис и на больничной электростанции кончался дизель для генератора. После начала забастовки объявление с очередными правилами экономии энергии раскладывали по личным почтовым ящикам и прикалывали цветными кнопками к доскам. И если реанимационное отделение и отделение Харфорда* питались

* Отделение Харфорда — название отделения для новорожденных в больнице Уэсли-Гилд.

непрерывно, то другие отделения и операционные подключались, только когда того требовала процедура. Поэтому во время операции врачи работали молча и ничему не учили. Даже не просили интернов помочь. Двое хирургов будто решили, что если дефицит продолжится в том же духе, то терять лишнюю секунду на медленный разрез ординатора или неопытный шов интерна — значит лишить новорожденных электричества для работы вентилятора. Когда Вураоле наконец велели отвезти вместе с медсестрами пациента по темным больничным коридорам, она, ступив за дверь, засмеялась и не могла остановиться. Шесть лет обучения — и все, что от нее понадобилось за двенадцать часов операции, — это освещать дорогу медсестрам?

Операция прошла успешно. Но врачи уже знали, что это не спасет жизнь пациенту. Продлит? Да, на пару недель или месяцев, если повезет. Впрочем, везение ли это, если последние дни пройдут в мучениях или опиоидном тумане? Вураола не знала.

Каждый вечер приходил брат пациента и молился за него. Он уже не раз говорил Вураоле, что хирурги ошибаются, что пара месяцев растянется на годы, а потом и десятилетия, и после этих недолгих тягот пациенту суждено насладиться редким и прекрасным чудом — долгой и счастливой жизнью. И говорил так убедительно, что Вураола чувствовала себя жестокой, когда напоминала о прогнозе и повторяла то, что ему уже объясняли перед операцией. Панкреатэктомия на этой стадии рака — паллиативная мера.

Теперь брат стоял на коленях у койки пациента, прислонившись лбом к металлическому поручню, бормотал свои молитвы. Как обычно, прижимал